

Министерство науки и высшего образования РФ
Институт российской истории РАН
Совет молодых ученых ИРИ РАН

Международная научно-практическая
школа-конференция молодых ученых (11–14 октября 2021 г.)

История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды

Сборник статей

Москва
2021

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И90

Ответственные редакторы:
Ю.А. Петров, О.А. Плех

Редакционная коллегия:
С.В. Журавлев, В.Н. Захаров, Д.Б. Павлов, Ю.И. Дин, С.П. Ким,
В.Н. Круглов, Е.Ю. Начарова, В.В. Тихонов, Ю.С. Филина

*Утверждено к печати Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды [Текст]: сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (11–14 октября 2021 г.) / Отв. ред.: Ю.А. Петров, О.А. Плех; Министерство науки и высшего образования РФ; Институт российской истории РАН; Совет молодых ученых ИРИ РАН. – М.: Институт российской истории РАН, 2021. – 582 с.

ISBN 978-5-8055-0399-4

Сборник содержит материалы Международной школы-конференции молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды», состоявшейся 11–14 октября 2021 г. В него вошли статьи, подготовленные участниками конференции. Исследования посвящены широкому кругу вопросов отечественной истории начиная с Древней Руси и заканчивая современностью. Авторы затрагивают сюжеты политической, социальной, военной истории, истории государственных учреждений, церкви, экономики, медицины, науки, внешней политики и многие другие.

ISBN 978-5-8055-0399-4

© Институт российской истории РАН, 2021
© Коллектив авторов, 2021

УДК 94(47).084.3

*Н.В. Кияшко*¹

Процесс «Кубанской тихоновщины»: новый взгляд на дело епископа Ейского Евсевия (Рождественского)

Аннотация. В статье на основе широкого круга неопубликованных источников предпринята попытка реконструкции событий, связанных с изъятием церковных ценностей 5 мая 1922 г. в Ейске, получивших название «Ейское восстание». Рассмотрено участие епископа Ейского Евсевия (Рождественского) и его отношение к кампании по изъятию, причины дальнейшего политического преследования. Отдельное внимание уделено судебному процессу против епископа Евсевия (процесс «Кубанской тихоновщины», 1923 г.), основой которого стало обвинение в организации массовых беспорядков в мае 1922 г.

Ключевые слова: религиозная политика; изъятие церковных ценностей; ГПУ; Русская Православная Церковь; Кубанская епархия; духовенство.

The trial of the Kuban Tikhonovites: a new look at the case of Bishop Eusebius (Rozhdestvensky)

Abstract. Based on a wide range of unpublished sources, the article attempts to reconstruct the picture of the events related to the seizure of church valuables on May 5, 1922 in Yeisk, which were called the “Yeisk Uprising”. The article considers the participation of Yeisk’s Bishop Eusebius (Rozhdestvensky) in the ongoing events and his attitude to the seizure campaign, the reasons for further political persecution. Special attention is paid to the trial against Bishop Eusebius (the trial of the “Kuban Tikhonovshchina”) in 1923, which was based on the accusation of organizing mass riots in May 1922.

Keywords: religious policy; confiscation of church valuables; GPU; Russian Orthodox Church; Kuban diocese; clergy.

Интенсивность развития отечественной историографии по проблемам религиозной политики обуславливает трансформацию исследовательского фокуса от уровня центральных органов власти и высшей церковной иерархии к событиям региональной плоскости. Поиск глобального в индивидуальном и отражение общих процессов на периферии позволяет историкам значительно расширить понимание картины государственной религиозной политики и характер общественно-политических настроений духовенства и верующих на местах.

¹ **Никита Витальевич Кияшко** – аспирант кафедры Истории России XX–XXI вв. МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: kiyashkonv@gmail.com.

Nikita V. Kiyashko – Postgraduate student, Department of History of Russia of XX–XXI centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Несмотря на то, что процесс освоения источниковой базы государственно-церковных отношений на Кубани советского периода начался давно, лишь единичные работы исчерпывающе описывают положение Русской Церкви в регионе. Серьезной проблемой на пути исследователей становится разобщенность источников провинциальных архивов, обусловленная интенсивными административно-территориальными преобразованиями южных регионов. Другой проблемой выступают трудности интерпретации директивных и статистических документов власти, публикация которых без знания особенностей партийного делопроизводства и функционирования различных аппаратных структур не приводит к полноценному пониманию происходивших событий.

До сих пор одной из дискуссионных проблем отечественной историографии остается кампания по изъятию церковных ценностей 1922 г. и ее реализация на местах. Несмотря на высокую актуальность, круг работ, в которых рассматривается изъятие ценностей и отношение к кампании духовенства и верующих Кубани, не велик. Наиболее крупный эпизод проведения кампании в регионе связан с так называемым Ейским восстанием 5 мая 1922 г., в ходе которого верующие г. Ейска массово выступили против деятельности местной комиссии по изъятию церковных ценностей. События восстания стали основой судебного процесса 1923 г. над епископом Ейским Евсевием (Рождественским), которого власть в стратегических целях «назначила» главным виновником народных протестов.

В региональной историографии наиболее значимое исследование кампании на Кубани и ее основных сюжетов принадлежит А.В. Бабичу, в котором на основании протоколов областной комиссии по изъятию ценностей, отчетной документации и переписки дается анализ общих направлений ее работы, кратко описывается изъятие ценностей в г. Ейске. В исследовании утверждается, что кампания на Кубани протекала «довольно сложно», а в качестве примера приводятся волнения в Ейске, организатором которых назван епископ Евсевий [2, с. 328–329]. Согласно А.Ю. Рожкову, во время изъятия ценностей епископ распорядился «бить в набат, что послужило сигналом для сопротивления прихожан» [17, с. 8; 18, с. 132]. События судебного процесса над епископом Евсеем, вероятно, на основании материалов периодической печати подробно описаны в эмигрантской литературе [16, с. 110–112]. Другие исследователи, как правило, ограничивались ссылками на опубликованные источники и воспроизведением тенденциозных публикаций советской периодической печати [14, с. 10; 15, с. 666; 21, с. 65; 22, с. 273; 23, с. 161; 28, с. 108]. Некоторые обстоятельства рассматриваемой проблемы затрагивались в ранних публикациях автора настоящей статьи [6; 7]. Таким образом, по-прежнему остается актуальным анализ отношения

церковной иерархии и лично епископа Евсевия к кампании по изъятию ценностей и реконструкция событий мая 1922 г. в Ейске. Большинство источников, использованных в предлагаемом исследовании, вводятся в научный оборот впервые.

Основным источником сведений о ейских событиях выступают материалы судебного процесса над епископом Евсеем, ейским духовенством и мирянами, опубликованные в виде заметок журналистов областной газетой «Красное Знамя» [12]. Публикации, составленные Н. Сутыриным и С. Крапивиним, фиксировали события практически «по горячим следам» и характеризуются тенденциозностью и репрессивным стилем мышления авторов. Субъективность выражалась в противопоставлении законопослушных верующих (в основном, из «Живой Церкви») сторонникам епископа Евсевия, которые якобы не только сопротивлялись государственной политике помощи голодающим, но и стремились к разрушению советского государства при поддержке церковных деятелей эмиграции. Епископ Евсеев описан как человек низкого нравственного поведения, не соответствующий уровню советского гражданина и являющийся недостойным пастырем, нарушающим церковные каноны. Терминология газетных сообщений характерна для лексикона и образа мышления работников советской пропаганды и изобилует идеологическими ярлыками: «вождь Кубанской Тихоновщины», «черный ворон ейской епархии», «новый Корнилов в рясе», «архи-бабник и контрреволюционер», «духовный стратег», «Святейший Плюшкин», «контрреволюционная лиса» и т.д.

В условиях отсутствия материалов уголовного дела в отношении епископа и осужденных с ним лиц настоящие газетные публикации стали центральным и единственным источником, содержащим подробные сведения как о ходе суда, так и об обстоятельствах изъятия ценностей в Ейске. Однако при изучении этих материалов возникает ряд источниковедческих проблем, разрешение которых возможно только на основе тщательных эмпирических наблюдений и поиска документов различного происхождения, независимо друг от друга освещающих картину событий. Пропагандистские цели периодической печати обуславливали субъективный взгляд на деятельность епископа Евсевия и формирование идеологических ярлыков, которые, к сожалению, закрепились в региональной историографии. Стоит отметить, что фрагменты обвинительного заключения по делу епископа Евсевия были включены в материалы уголовного дела в отношении его секретаря протоиерея Илариона Голубятникова [1].

Известия о начале кампании по изъятию церковных ценностей духовенство и верующие Ейска встретили спокойно. По инициативе епископа в храмах викариата объявили сбор средств для помощи голодающим,

сам он неоднократно выступал с проповедями, в которых призывал верующих «помочь своему брату – христианину, исполняя великий долг христианской любви» [10; 11; 25].

В Ейске работа комиссий по изъятию началась в середине апреля 1922 г. Во время изъятия ценностей из Михайло-Архангельского кафедрального собора 5 мая на соборной площади собралась толпа верующих, которая требовала не трогать церковную утварь, срывая работу комиссии. К собравшимся вышел епископ Евсевий, призвал всех разойтись и сообщил, что комиссия забирает не все предметы утвари, но его слова не возымели действия. Секретарь епископа священник И. Голубятников, присутствовавший в это время в качестве члена городской комиссии, на одном из допросов сообщал, что тысячная толпа собралась на колокольный звон и даже избивала члена комиссии от горисполкома. Подтвердить отрицательное отношение епископа к кампании он отказался, утверждая, что проявлений этого не видел [1, л. 29, 50 об.]. Чтобы не усиливать народное недовольство, работу комиссии перенесли на другой день, а толпу разогнали с помощью военной силы [26].

Сводка Информотдела ГПУ от 23 мая 1922 г. одной из первых зафиксировала доклад Кубано-Черноморского губотдела ГПУ (от 25 мая) о конфликте в г. Ейске толпы верующих с представителями власти, произошедшем «под влиянием местных контрреволюционных элементов». В сводке отмечалось, что толпу удалось разогнать только при помощи вооруженной силы, а главные участники выступления арестованы [29, л. 163]. В соответствии с директивами центра от органов безопасности на местах требовалось политическое преследование участников сопротивления изъятию ценностей, и в первую очередь – духовенства. В шифротелеграмме от 20 марта 1922 г. заместитель председателя ГПУ И.С. Уншлихт предписывал особенно преследовать священников, стоявших «за спинами» верующих, и предотвращать похищение ценностей из храмов, принимая «срочные меры» к поиску виновных, если последними «окажутся попы, вести о том широкую кампанию в печати и агитацию среди населения» [30, л. 29]. В связи с этим нет оснований полагать, что кубанские чекисты пренебрегли инструкциями центра, оставив без внимания деятельность викарного епископа.

Уровень социального напряжения и волнения во время работы комиссии, на первый взгляд, не вызвали особой обеспокоенности Кубано-Черноморского обкома РКП(б). Это следует из обзора деятельности обкома, в котором отмечалось успешное проведение изъятия по области «почти без эксцессов», «не считая инцидента в Ейске, быстро ликвидированного» [19, л. 56, 57]. В закрытом информационном письме за май 1922 г. секретарь обкома А. Аболин лаконично констатировал удовлетворительное прове-

дение мероприятий, исключение из которого составил инцидент в Ейске, «не имевший по существу политической окраски» [20, л. 70]. Отчитываясь о своей деятельности, партийное руководство Кубани демонстрировало центру положительные итоги церковной кампании, которые не должны были омрачаться социальным недовольством. Именно в этом можно усматривать причину отсутствия пристального внимания партийных органов к ейским событиям и политической роли духовенства.

В областной печати сообщение о восстании появилось спустя несколько дней в виде краткого информационного комментария секретаря Ейского райкома РКП(б). Согласно газетному материалу, причиной волнений стала антисоветская агитация против изъятия, а главными зачинщиками – верующие женщины, спровоцировавшие толпу благодаря колокольному звону [32, с. 1]. Обращает на себя внимание, что в первых и последующих сообщениях в периодической печати имя епископа Евсевия как организатора восстания не фигурировало [5, с. 2; 32, с. 1]. Маловероятно, что в условиях усиления репрессивных методов религиозной политики и массового преследования епископата и духовенства при любых случаях сопротивления власть оставила бы без внимания активную деятельность ейского епископа по организации народных волнений.

Подробности событий 5 мая описаны в постановлении приходского совета Михаило-Архангельского собора г. Ейска от 7 мая 1922 г. Этот уникальный документ освещает не только хронику происходившего, но также иллюстрирует отношение духовенства и самого епископа к восставшим. Согласно постановлению, настоятель собора протоиерей Н. Федотов (будущий «митрополит») доложил на собрании, что в день изъятия члены городской комиссии А.А. Григорьев и Лебедев вели себя «корректно, чинно и благоговейно», не нарушая церковных правил, даже проходили по алтарю только по указанию священника. Приходской совет принял решение выразить благодарность «названным членам комиссии за их благородное отношение к святому храму». Также настоятель собора доложил о вызывающем поведении находившихся в храме женщин, которые «кричали, настойчиво требуя, чтобы из храма ничего не брали», и не обращали внимания на просьбы протоиерея Федотова, священника В. Новака, старосты собора Н. Лопаты и Григорьева не препятствовать работе комиссии.

Не смог успокоить собравшихся даже епископ Евсевий, пришедший в собор. Создавшаяся истерия и нагнетание обстановки бунтующими прервали работу комиссии, а отдельные лица начали звонить на соборной колокольне для привлечения внимания горожан. В результате деятельность комиссии была остановлена, а исполком предложил духовенству провести позднее дополнительное изъятие утвари в одном из приделов собора

и представить ценности самостоятельно. В завершение собрания приходской совет выразил «соболезнование обо всем случившемся с объяснением и предназначенной комиссии, что все это вплоть до двукратного набата, случилось непредвиденно, неожиданно, как-то стихийно, как ураган, и отнюдь не является какой-либо черной работой причта или же прихожан собора» [3, л. 102].

Таким образом, анализ партийных документов и материалов органов безопасности, составленных вне зависимости друг от друга, демонстрирует непричастность епископа Евсевия к народным волнениям и положительное отношение к изъятию ценностей, что констатируется в протоколе приходского совета.

Активное сопротивление епископа развитию обновленческого раскола и отказ признать каноничность группировки «Живая Церковь» привели к тому, что против него была начата травля в периодической печати. Стремления властей и обновленческого епархиального управления отстранить Евсевия от церковной власти не привели к значимым результатам. Поэтому Кубано-Черноморским отделом ГПУ была начата операция по ликвидации тихоновского духовенства на Кубани. 22 декабря 1922 г. на заседании бюро областного комитета РКП(б) руководитель кубанских чекистов Г.Я. Долматов доложил о ходе оперативной работы и получил одобрение партийного руководства [31, л. 9]. 25 декабря 1922 г. сотрудники облотдела ГПУ арестовали епископа Евсевия, а затем 19 священников и мирян по обвинению в контрреволюционной деятельности и доставили в краснодарскую тюрьму [27, с. 2].

Главным обвинением в отношении Евсевия и духовенства стало подчинение Святейшему Патриарху Тихону, объявленному государственным преступником и контрреволюционером, сопротивление обновленческому расколу и укрепление Патриаршей Церкви на Кубани. Стремление власти обосновать антисоветский характер деятельности епископа привело к тому, что в дополнение к «преступлениям» на него возложили ответственность за народное выступление против изъятия церковных ценностей в Ейске. На публичном судебном процессе, который начался 27 марта 1923 г. в театре Краснодара, епископ Евсевий неоднократно отрицал свою причастность к волнениям верующих, указывая на то, что «совершенно добровольно и по собственной инициативе, задолго до проведения изъятия ценностей, в своих проповедях призывал верующих отдать в пользу голодающих лишние церковные ценности» [10; 25]. Но несмотря на это в областной газете «Красное Знамя» с завидным упорством утверждалось, что «глава Ейской епископии – вдохновитель всех препятствий, которые были выявлены при изъятии церковных ценностей и многих других контрреволюционных поступков, имевших место в его епархии» [24].

В качестве свидетеля на суде выступал председатель Ейского исполкома А.А. Григорьев. Он подтвердил «ужасающие размеры» народного бунта 5 мая 1922 г., для предотвращения которого распорядился выставить охрану у дверей собора. Согласно его показаниям, чтобы предотвратить волнение, епископ Евсевий предлагал комиссии огласить публично акты об изъятии с конкретным перечнем имущества. «Мог ли подобный акт успокоить толпу, говорить не приходится», – иронично замечал журналист Н. Сутырин, при этом скрывая, что местная власть проигнорировала предложение епископа. Несмотря на отсутствие в показаниях прямого обвинения епископа в провокации восставших, описанную им картину бунта помощник областного прокурора П. Раусов мастерски интерпретировал в качестве доказательства вины Евсевия [26]. О буйствах восставших, преследовавших уполномоченного Ейского исполкома Шебелева, на суде сообщил водитель Горячков [13].

Государственный обвинитель использовал любые подходящие эпизоды из показаний свидетелей для формирования картины отрицательного отношения епископа Евсевия к поддержке кампании. Так, с его помощью на суде священник В. Голоднов¹ «правильно» описал поведение архиерея на приходском собрании Михаило-Архангельского собора, прошедшем с участием председателя Ейского исполкома. Как показал свидетель, на собрании Григорьев предложил Евсевию разослать духовенству и верующим воззвания и инструкции по изъятию ценностей, но тот ответил, что такие полномочия есть только у правящего архиерея, а он лишь викарный епископ. «Представитель обвинения т. Белоусов искусно поставленными вопросами [к Голоднову. – *Н.К.*] показывает, что скрывалось под этой евсевиевской “тишайшей маской” – бессердечный эгоизм, глухой к мукам голода и непримиримое властолюбие, во имя которого Евсевий пошел даже на объявление Иоанна, правящего епископа, еретиком», – безапелляционно заключал журналист областной газеты [9]. Не меньшую искусность проявил государственный обвинитель, чтобы «прижать к стенке» старосту ейского собора Лопату, который оказался вынужден признать, что Евсевий не проявлял настойчивости в деле помощи умирающим от голода [8].

23 апреля 1923 г. областной суд признал епископа Евсевия виновным в антисоветской агитации и пропаганде и контрреволюционной деятельности и приговорил к семи годам заключения со строгой изоляцией, священника Т. Сосько – к пяти годам, мирян А. Гангесова и А. Зайцева – к трем, а П. Валяницкого, П. Назаренко и С. Лиманского – к одному году заключения [27].

Анализ событий изъятия церковных ценностей в г. Ейске вновь актуализирует проблему зависимости отечественной историографии от иде-

¹ В источнике ошибочно назван «Голодков».

ологических ярлыков и штампов советской пропагандистской машины. Вопреки распространенному мнению епископу Ейскому Евсевию (Рождественскому) не принадлежала руководящая роль в народных восстаниях, спровоцированных изъятием церковных ценностей, что подтверждается показаниями архиерея и многочисленными документами разного уровня. Подлинной причиной политического преследования епископа и актуализации ейских событий стало сохранение им подчинения Святейшему Патриарху Тихону и укрепление тихоновских приходов на Кубани, что противоречило курсу религиозной политики Кремля и препятствовало работе органов безопасности по административному и идеологическому разложению Церкви. Таким образом, очевидна необходимость реабилитации епископа Евсевия как жертвы политических репрессий по приговору Кубано-Черноморского областного суда от 23 апреля 1923 г.

Список источников и литературы

1. Архив Управления ФСБ России по Краснодарскому краю. Д. П-15682.
2. *Бабич А.В.* К вопросу об изъятии церковных ценностей на Кубани в 1922 году // Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 6. Краснодар; Київ, 2012. С. 328–329.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-649. Оп. 1. Д. 111.
4. Заседание 23 апреля // Красное Знамя. 1923. № 89 (896). 25 апр.
5. Изъятие ценностей в Ейском отделе // Красное знамя. 1922. № 120 (621). 31 мая.
6. *Кияшко Н.В.* «Враждебные попы не нужны»: эволюция религиозной политики советской власти в 1922 г. в свете деятельности органов ВЧК-ГПУ на Кубани // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 99. С. 134–147.
7. *Кияшко Н.В.* Антицерковная политика власти и положение обновленческих и канонических общин на Кубани в 1920-е годы // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Междунар. науч. конф., Иваново, 5–6 апреля 2017 г.: в 2 ч. Ч. 2. Иваново: Ивановский государственный университет, 2017. С. 277–282.
8. *Крапивин С.* Кубанская Тихоновщина. Десятый день // Красное Знамя. 1923. № 78 (885). 12 апр.
9. *Крапивин С.* Кубанская Тихоновщина (заседание 12 апреля) // Красное Знамя. 1923. № 79 (886). 13 апр.
10. *Крапивин С.* Кубанская Тихоновщина (заседание 12 апреля) // Красное Знамя. 1923. № 80 (887). 14 апр.
11. *Крапивин С.* Кубанская Тихоновщина (заседание 14 апреля) // Красное Знамя. 1923. № 82 (889). 17 апр.
12. Красное Знамя. 1923. № 63, 67, 69, 71, 73, 74, 75, 76, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 85, 86, 87, 88, 89.

13. Кубанская Тихоновщина (Впечатление судебного процесса). Девятый день // Красное Знамя. 1923. № 76 (883). 8 апр.
14. *Макаренко П.* Прости нас, Господи... // Родная Кубань. 1998. № 4. С. 7–10.
15. *Никитин Д.Н.* Изъятие церковных ценностей // Православная энциклопедия. Т. XXI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. С. 661–668.
16. *Польский М.А., протопресв.* Новые мученики Российские. Т.I. Jordanville: Holy Trinity monastery, 1949. 287 с.
17. *Рожков А.Ю.* Народное сопротивление антирелигиозной политике Советской власти на Юго-востоке России в 1918–1929 гг. // Голос минувшего. 1997. № 2. С. 3–12.
18. *Рожков А.Ю.* Обновленцы и мученики // Дело мира и любви. Очерки истории и культуры православия на Кубани. Краснодар: Православный Екатеринодар: Традиция, 2009. С. 127–139.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 332.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43.
21. *Рябиков А.Н., Письменная Т.Г., Штымбалюк А.В., Денисова Е.В.* Конфессиональная политика советской власти в отношении обновленческих объединений Северного Кавказа в 1917–1946 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 8. С. 63–68.
22. *Саввин Д.В.* Евсевий (Рождественский Евгений Петрович) // Православная энциклопедия. Т. XVII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. С. 273–275.
23. *Сергеев К.Л.* Екатеринодарская и Кубанская епархия // Православная энциклопедия. Т. XVIII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. С. 159–168.
24. Суд над «Кубанской Тихоновщиной» // Красное Знамя. 1923. № 67 (874). 27 марта.
25. *Сутырин Н.* Кубанская Тихоновщина (впечатление судебного процесса). Второй день // Красное Знамя. 1923. № 71 (878). 30 марта.
26. *Сутырин Н.* Кубанская Тихоновщина. Речи представителей обвинения // Красное Знамя. 1923. № 86 (893). 21 апр.
27. *Сутырин Н.* Приговор над Кубанской Тихоновщиной // Красное Знамя. 1923. № 89 (896). 25 апр.
28. *Федоров С.С., Гнатюк Т.Н.* Святой из Питима. Евсевий (Рождественский), архиепископ Шадринский. Тамбов: Тамбовский полиграфический союз, 2019. 133 с.
29. Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). Ф. 1. Оп. 6. Д. 497.
30. ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 11.
31. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 227. Л. 9.
32. Черносотенные интриги // Красное Знамя. 1922. № 106 (617). 13 мая.